

НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-29-52

УДК 167/168=>001.378.1:061.6

РАДИКАЛЬНАЯ РЕФОРМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: РАЗРАБОТКА, РЕАЛИЗАЦИЯ, ОЦЕНКА НАУЧНЫМ СООБЩЕСТВОМ¹

Аблажей Анатолий Михайлович,

*кандидат философских наук, доцент,
заведующий сектором социологии науки и образования
Института философии и права СО РАН,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8;
доцент философского факультета Национального
исследовательского Новосибирского государственного университета,
Россия, 630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 1
ORCID: 0000-0003-3693-8845
ablazhey@academ.org*

Аннотация

Статья посвящена исследованию основных аспектов радикального реформирования российской академической науки. Большое внимание уделяется анализу организационных и идейных предпосылок реформы, содержанию дискуссий, сопровождавших начало ее реализации. Показано, что основной причиной начала реформы было, с одной стороны, стремление руководства страны в условиях дефицита необходимых ресурсов сделать сферу фундаментальных исследований более компактной и эффективной, нацеленной на удовлетворение потребностей экономики и общества, прежде всего с точки зрения развития новых технологий. С другой стороны, не менее важным мотивом реформирования стало желание профильного министерства перестроить сферу интеллектуального производства по лекалам англо-американской неolibеральной модели, а также отстранить академическое руководство от управления имущественным комплексом РАН. Проведенный анализ мнений российских академических ученых показал, что в подавляющем большинстве они критически оценивают методы и промежуточные результаты реформы, признавая при этом насущную актуальность ее проведения. Показано, что накопленный отечественной академической наукой адаптационный потенциал пока позволяет успешно демпфировать негативные последствия реформы, но он не бес-

¹ Статья подготовлена в рамках проекта «**“Реакция на угрозу”: типология адаптационных поведенческих стратегий ученых в условиях реформы РАН**», поддержанного фондом «Хамовники» (грант № 2015-001). Руководители проекта **А.М. Аблажей** и **И.А. Самахова**.

пределен, тем более что заметная часть ученых просто устала от постоянных изменений.

Ключевые слова: академическая наука, РАН, реформа, эффективность, результаты реформы, оценка реформы.

Библиографическое описание для цитирования:

Аблажей А.М. *Радикальная реформа Российской академии наук: разработка, реализация, оценка научным сообществом // Идеи и идеалы.* – 2018. – № 1, т. 2. – С. 29–52. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-29-52.

«Всё весело очень, весело и страшно»

(Из интервью)

Введение

Принятое в конце июня 2013 г. решение о начале радикальной реформы Российской академии наук (РАН) было настолько неожиданным и поспешным, поставило столько вопросов о будущем всей сферы научных исследований, в первую очередь в фундаментальной ее части, что подавляющее большинство российских ученых восприняли его как угрозу самому существованию в стране академической науки. Эти настроения многократно усиливались в силу того, что о судьбе институтов, не говоря уже о рядовых ученых, на этапе обсуждения основных аспектов реформы практически ничего не говорилось. Главной задачей было молниеносное отстранение академической верхушки от управления собственностью и распределения финансирования, недаром реформу сравнивали с войсковой операцией. Подавляющее большинство научных сотрудников, опрошенных в ходе реализации нашего проекта, уверенно заявляли о том, что именно имущественные вопросы стали главным содержанием происходящих в академической науке изменений, а отнюдь не способы и механизмы повышения эффективности проводимых исследований.

Неожиданный, секретный и малопонятный для научных сотрудников академических институтов характер принятых решений обусловил восприятие реформы в качестве *угрозы*: как для институциональной структуры фундаментальных исследований, так и для наработанных в постсоветское время практик адаптации, позволивших академической науке в начале 2000-х гг. перейти от выживания к развитию. Отнюдь не случайной выглядит резкая и, как правило, критическая реакция на принятые решения всех слоев научного сообщества – от членов РАН до «рядовых» ученых. Последовал демарш ряда членов «Большой» Академии, который впоследствии оформился в неформальный «Клуб 1 июля», членство в котором предполагало отказ от вхождения в обновленную Российскую академию наук.

У стен Государственной думы и в большинстве научных центров страны состоялись многочисленные пикеты и демонстрации, был проведен сбор подписей в поддержку Академии, который организовали во всех крупных академических центрах, в том числе в Сибири. Мы согласны с Ириной Дежиной, что *«реформаторы меньше всего продумали то, какой должна быть дальнейшая судьба не Академии как ведомства, а научных институтов и собственно тех, кто в них работает»* (курсив наш – А.А.) <...> действия правительства стали катализатором объединения сил гражданского общества в науке, что можно считать одним из немногих позитивных эффектов плохо продуманной реформы» [4, с. 22]. При этом с высоких трибун делались заявления относительно того, что для ученых если что и изменится, то в лучшую сторону, и речь идет исключительно об экономических и управленческих вопросах («ученые не должны заниматься несвойственным им делом, например, вопросами ЖКХ, и должны сосредоточиться исключительно на науке»), непосредственно не затрагивающих людей, проводящих исследования.

С момента начала реформы прошло более четырех лет, и уже можно подводить промежуточные итоги проведенных преобразований. Не претендуя на исчерпывающий анализ ситуации, в данной статье мы ставим перед собой задачу осветить процесс идейной и организационной подготовки реформы, ее основные мероприятия и, пожалуй, самое важное для нас – оценку реформы и государственной научной политики в целом научным сообществом, в первую очередь «рядовыми» сотрудниками академических научных учреждений с точки зрения ее необходимости, влияния на эффективность проводимых исследований, их представления о будущем фундаментальной науки в нашей стране в контексте проводимых преобразований.

Предыстория реформы

Чтобы понять, почему реформа была проведена именно в такой форме и преобразования пошли по одному из наиболее радикальных сценариев, стоит вернуться на полтора десятилетия назад. Первые попытки реформирования структуры и функций РАН относятся к началу 2000-х гг., когда в Министерстве промышленности, науки и технологий был разработан план по изменению сети научных организаций, включая систему государственных Академий наук. Реструктуризация, предполагавшая прежде всего сокращение числа финансируемых из бюджета учреждений науки, должна была проходить «постепенно... [однако] согласования затянулись, и фактически сложившаяся организационная структура не подверглась изменениям» [Там же, с. 19]. В 2005 г. Министерство образования и науки (само изменение названия профильного ведомства, ставшего итогом слияния бывших министерств – образования, с одной стороны, науки и высоких

технологий – с другой, уже весьма симптоматично) во главе с новым министром А. Фурсенко совместно с Президиумом РАН разработало «Программу модернизации структуры, функций и механизмов финансирования РАН и других академий», где говорилось о необходимости составления «рейтинга академических научных организаций на основе набора количественных индикаторов», разработке механизмов поддержки «лучших институтов за счет дополнительного бюджетного финансирования»; «создании системы управления *неиспользуемым* в научной работе имуществом» (курсив наш – А.А.). Однако и в этом случае «все свелось только к уточнению организационно-правового статуса и функций государственных академий» [4, с. 19–20]. Неудача «Программы...» подтолкнула министерство к разработке гораздо более радикальных изменений [5, с. 16], во многом предваривших контуры будущей реформы 2013 г.: предлагалось преобразование Академии наук в «общественную организацию “Клуб ученых”, лишенную права на управление имуществом и финансами... Полномочия учредителя научных институтов [планировалось передать] новому государственному органу – Федеральному агентству по фундаментальным исследованиям» [12].

В подготовке реформы приняла участие и часть экспертного сообщества. Назовем только самые заметные аналитические материалы: «Академический сектор науки в среднесрочной перспективе» (Центр «Открытая экономика»); «Оценка возможностей реформирования РАН с точки зрения руководителей эффективных научных коллективов» (С. Белановский и Центр стратегических разработок); «Российская наука: от кризиса качества к поиску точек роста» (И. Федюкин и Центр стратегических разработок); «Современное поколение ученых: ценности, мотивация, стиль жизни» (Центр прикладных исследований и программ); «Шесть мифов Академии наук» (Д. Ливанов, С. Гурьев и Д. Северинов, журнал «Эксперт»); коллективное письмо представителей российской научной диаспоры «Фундаментальная наука и будущее России». В целом все перечисленные авторы сходились в одном: «при сохранении существующих тенденций у “большой науки” в России нет будущего: ее отмирание – это вопрос ближайших десяти-пятнадцати лет» [14].

В решающую фазу подготовка к реформированию академического сектора науки вступила в 2012 г., когда министром образования и науки РФ стал Д. Ливанов, бывший помощник министра А. Фурсенко (который возглавил соответствующее направление в Администрации Президента), в недавнем прошлом ректор одного из ведущих технических вузов страны – Национального исследовательского технологического университета «МИСиС». Новый министр не скрывал наличия планов радикального реформирования сферы академической науки и демонстрировал твердую решимость непременно их реализовать. В марте 2013 г. в интервью радио-

станции «Эхо Москвы», вызвавшем резко отрицательную реакцию со стороны академического руководства (пост президента РАН на тот момент занимал еще Ю. Осипов), он оценил академическую форму организации науки как «бесперспективную», пообещав сделать «все, что от него зависит» для изменения ситуации. Министр настаивал на необходимости перехода к «форме организации науки, которая давно зарекомендовала себя в странах, являющихся в мире научными лидерами, и прежде всего в США. Там наука делается в вузах. Именно они должны в России стать центрами знаний <...> хотя академическая модель организации науки и давала в СССР хорошие результаты, она была эффективна в старой модели общественного и экономического развития страны. Сейчас Россия живет по иным законам, где РАН уже является архаикой... [последняя должна превратиться] в “клуб ученых”» [6]. Одновременно с критикой Академии министр анонсировал создание «Совета по науке», где планировалось «обсуждать программу исследований и ход реформы». В совет, призванный стать «голосом российской науки <...> должны были войти только “крупные ученые в дееспособном возрасте, работающие и достигшие реальных успехов”» [15]. (Как показали дальнейшие события, Совет по науке при министерстве действительно был создан, но никаких обсуждений плана или мероприятий реформы в нем не проводилось).

Таким образом, к началу 2013 г. главные направления будущих преобразований были намечены. Предусматривалась ликвидация такой формы организации науки, как сеть специализированных и финансируемых государством научно-исследовательских учреждений, руководство которой обладает известной автономией в области планирования деятельности, ее финансирования и отчетности; одновременно была четко продекларирована твердая решимость реализовать эти планы на практике. Академический сектор науки должен был стать **компактным, эффективным** (с точки зрения наукометрических показателей) и **управляемым**. Одновременно правительство очередной раз показало, что «никогда не считало нужным согласовывать с РАН возможные, даже радикальные шаги по ее реформированию». События лета 2013 г. показали, что «[радикальные] перемены возможны <...> [и] дело не в качестве государственной политики, а в наличии сильной политической воли на самом высоком уровне» [4, с. 21].

Ситуация в академических институтах на момент начала реформы

Российская наука к 2013 г. сумела накопить богатый опыт адаптации к резко изменившимся условиям научной деятельности (аналогичные драматические процессы трансформации сложившейся при социализме системы организации фундаментальных научных исследований наблюда-

лись в большинстве постсоциалистических государств, например в Польше [3], поэтому российский случай отнюдь не уникален). «Шоковая терапия» не прошла для науки бесследно. Мы опираемся на результаты социологического мониторинга академического сообщества Сибири – проекта, реализуемого новосибирскими социологами науки с 1992 г., т. е. с самого начала радикальных реформ. В рамках мониторинга в 2009–2010 гг. автором настоящей статьи была проведена серия фокусированных интервью с руководителями (на уровне ученых секретарей и заместителей директоров по науке) ряда академических НИИ Новосибирского, Иркутского, Красноярского и Томского научных центров СО РАН. Полученные оценки позволили сделать ряд важных выводов относительно положения дел в российской академической науке накануне реформы.

1. Сложившаяся практика финансирования академического института представляла собой своеобразную триаду: *базовые бюджетные, конкурсные бюджетные и внебюджетные средства*. Небольшую долю могли составлять средства от международных проектов, хотя в целом их удельный вес резко уменьшился по сравнению с 1990-ми – началом 2000-х гг. Что касается распределения по видам финансирования, то типичная схема выглядела следующим образом: *«около 1/3 всего финансирования [института] – это так называемый базовый госбюджет... Следующая часть финансирования – это всевозможные гранты, [в том числе] бюджетные – в нашем Сибирском отделении это интеграционные проекты, программы РАН. По сути, это тоже бюджетное финансирование, но только на конкурсной основе распределяется. Другие гранты – гранты международные, гранты РФФИ и т. д. Все вместе это тоже около 1/3. Оставшиеся около 30–40 % – это контракты и хоздоговоры»*².

2. Сложились две типовые модели распределения средств, поступающих в институт в рамках *конкурсного государственного и внебюджетного* (интеграционных и междисциплинарных проектов, грантов научных фондов, хозяйственных договоров и пр.) финансирования. Первую модель можно условно обозначить как **федеративную**: в рамках административно единого института существуют лаборатории (сектора, группы), обладающие той или иной степенью самостоятельности. *«Институт – это федерация различных направлений, которые друг с другом не конкурируют»*. Заработанные деньги, за исключением определенной фиксированной доли (около 20 %), отдаваемой в общепитутскую кассу и поступающую, таким образом, в распоряжение дирекции, они распределяли самостоятельно, не спрашивая на то разрешения руководства. Это приводило к тому, что в стенах одного учреждения сосуществовали «бедные» и «богатые» лаборатории, что неизбежно приводило к *«достаточно большой дифференциации в зарплатах, если говорить о научных сотрудниках»*) со всеми вытекающим отсюда последствиями.

² Здесь и далее курсивом выделены цитаты из интервью.

Как следствие, возникали чувства зависти, обиды, подозрения в делении коллектива на «любимчиков дирекции» и «обойденных», и пр. Многие ученые, особенно старшего поколения, воспринимали подобную ситуацию очень болезненно. Проблема сглаживания возникающих конфликтов дирекцией и ученым советом за счет частичного перераспределения ресурсов (в рамках тех самых 20 %) вставала во многих институтах.

Вторая модель – **унитарная**: все средства, в том числе пришедшие по грантам и хоздоговорам, сосредоточивались в руках дирекции, которая при их распределении учитывала не только личный вклад конкретного ученого или лаборатории, но также исходила из выработанных приоритетов *развития института*, в соответствии с которыми следовало распределять средства между подразделениями, тематиками и отдельными сотрудниками. При такой модели на дирекцию падала львиная доля ответственности за положение дел в институте, не исключая лоббистской деятельности в фондах, органах власти и т. д. Однако эта модель также не исключала наличия дифференциации сотрудников по уровню материальной обеспеченности.

Обратим внимание на одно чрезвычайно важное обстоятельство: деление на «бедные» и «богатые» лаборатории зачастую совпадало с их разделением на фундаментальные и прикладные при вполне справедливом негодовании первых: ведь прикладные разработки, как правило, основывались на фундаментальных результатах, ставших так или иначе итогом исследовательских усилий всего коллектива института (*«неправильным было всё время ориентироваться лишь на результат, без фундаментальных исследований не будет [и] прикладных. Когда все поймут, что хватит уже эту часть сокращать»*). Здесь опять же очень многое зависело от дирекции института, призванной поощрять развитие базовых исследований за счет коммерческих проектов.

3. На фоне проходившей дискуссии о дальнейшей судьбе государственных научных фондов (РФФИ, РГНФ, РНФ, фонда Бортника и др.) сами ученые достаточно скептически оценивали их реальную долю в финансировании исследований (*«в последние годы уровень финансирования и по программам РФФИ, и по программам ведущих научных школ – он стал просто очень-очень маленьким... Наверное, это одна из причин такой сложной ситуации с молодежью, потому что привлечь ее можно тогда и только тогда, когда будут большие проекты... чтобы она всё-таки работала в основном здесь, а не где-то на стороне»*). С другой стороны, заметная часть ученых не одобряла саму идею конкурсного (в виде грантов) финансирования (истинный ученый не должен думать о деньгах и призван посвящать всё свое время исключительно науке), будучи при этом убежденными в том, что они никому не обязаны доказывать ценность того, чем они занимаются.

4. В отдельных, наиболее успешных с финансовой точки зрения, институтах внебюджетное (преимущественно хоздоговорное) финансирование зачастую составляло более 50 % всех средств. Правда, в соответствии со сложившимися принципами подсчета в сумму средств институтов по статье «хоздоговоры и контракты» статистика включала также средства от зарубежных грантов, однако в проведенных интервью вполне четко звучала мысль, что место зарубежных партнеров как основного в недавнем прошлом источника внебюджетных доходов сегодня прочно заняли отечественные компании. Наиболее распространенной формой сотрудничества стало выполнение исследований по заказу отечественных бизнес-структур; повсеместное распространение получил курс на гораздо более тесное сотрудничество с местными властями и крупным бизнесом. Особенно это характерно для НИИ естественно-научного и информационно-профилей Красноярского научного центра, что связано в первую очередь с реализацией целого ряда крупных проектов, например, строительством Богучанской ГЭС или развитием «Норильского никеля». (По нашему мнению, приведенные выше свидетельства являются убедительным доказательством того, что умение отечественной науки работать на рынке не ограничивалось сдачей в аренду пустующих помещений, что чаще всего ставилось в вину Академии ее критиками).

5. Увеличение доли конкурсного бюджетного и внебюджетного финансирования, помимо отмеченной выше дифференциации доходов научных сотрудников, неизбежно сопровождалось ростом интенсивности труда (*«люди работают без выходных и отпусков»*) и падением значимости традиционных показателей успешности научной деятельности. *«У нас бывают крайности такие: если человек работает по контракту, у него зачастую не хватает времени на выполнение других работ, [например] на написание статей. У него зарплата может быть достаточно высокой за счет контракта, но за счет других составляющих может понизиться»*. По сути, это означает, что для весьма существенной части научных работников радикально изменилась система оценки эффективности труда: не по количеству статей, а по величине полученных доходов. Подобные тенденции могут привести к самым неожиданным для науки последствиям.

6. Многие научные сотрудники, прежде всего старшего поколения, вообще считают все разговоры о деньгах и грантах неприемлемыми с точки зрения этоса науки, характерного для российских ученых. Подобная тенденция проявилась не сегодня: проведенный нами в 2004 г. массовый опрос сотрудников научных и образовательных центров Сибири показал, что большинство из них негативно оценивало усиливающуюся коммерциализацию науки, выдвижение на первый план сугубо коммерческих эффектов того или иного исследования в ущерб сугубо научным [9, с. 140]. По мне-

нию большинства ученых, оценка эффективности деятельности академического института, исходящая преимущественно из финансовых показателей, является некорректной, поскольку заметная часть сотрудников и не ставила себе подобной цели, считая первоочередной задачей получение нового знания, что, напомним, в рамках классической (мертоновской) модели науки является ее главной задачей.

7. Анализ кадровой ситуации в академических институтах позволил выявить ярко выраженную тенденцию консервации штатной структуры. Старшее поколение очень неохотно уходит на пенсию; как следствие, возможности омоложения коллективов академических учреждений сильно сузились. Приходилось «дробить» ставки (*«на сокращенные ставки – 0,5 и т. д. – переводили людей, которые могли бы поддержать себя другими средствами, например, грантами; в одной лаборатории вообще все перешли на 0,9 ставки, чтобы дать возможность оставить одного человека, которому грозило сокращение: профессиональная солидарность»*) или привлекать молодежь за счет либо внутрिलाбораторных, либо общенститутских внебюджетных средств. В одном из институтов ученый секретарь уверенно заявлял, что существующие финансовые возможности дают дирекции известную свободу маневра, и нужного специалиста институт может содержать на внебюджетные деньги и год, и два, и три – до тех пор, пока не освободится бюджетная ставка. Практику дробления ставок одни респонденты оценили как вынужденную и объективно нарушающую принципы существования академического учреждения; другие, напротив, находили ее вполне приемлемой, рассматривая, кроме прочего, в качестве весомого стимула для того, чтобы сотрудники активнее искали источники дополнительного финансирования.

8. В институтах Новосибирского Академгородка специфика сложившейся кадровой ситуации определялась историей становления научного центра: слабое развитие традиции роста руководителя от аспиранта до директора (*«сюда, как правило, приезжали генералы и сержанты... когда генералы стали уходить, возникли проблемы»*); практика **естественной** смены поколений оценивалась также негативно (*«пока торжествует схема эволюционной смены, естественного ухода старшего поколения, но вряд ли она оптимальна»*).

9. В целом мнения респондентов о кадровой ситуации в институтах разделились. Одни, соглашаясь с наличием дефицита научных сотрудников среднего возраста (от 40 до 55 лет) вследствие шоковых 90-х, говорили о подросшей смене и выражали уверенность в том, что при смене поколений удастся избежать резких и болезненных колебаний; другие, напротив, оценивали ее гораздо более негативно (*«не окажемся ли мы в ситуации научного Чернобыля... если раньше была проблема, что не на чем было работать, то теперь есть на чём, но уже, похоже, некому»*). Один из респондентов образно сравнил ситуацию в кадровой сфере с двугорбым верблюдом: в институтах много

молодых (до 30) и пожилых (после 60) сотрудников; первые **еще** не могут, а вторые **уже** не могут работать на должном уровне.

10. Принятая в РАН система оценки эффективности исследовательского труда – ПРНД (показатели результативности научной деятельности) – вызвала неоднозначную реакцию среди научных сотрудников академических институтов. (*«Кто-то недоволен, начинаются жалобы, растет напряженность внутри коллектива. Но [дирекция] это понимает и твердо выдерживает свою линию: должны быть лидеры и очевидные успехи должны поощряться»*). В одних институтах стремились включить в систему дополнительных выплат максимально большое число сотрудников, что приводило к «размазыванию» премиального фонда и крайне незначительному размеру надбавок; в других подход мог быть противоположным (*«институт готов платить внушительные надбавки... из фонда дирекции»*). Несмотря на наличие формальных рейтингов (тот же ПРНД формировался на основе наукометрических показателей), продолжала существовать система неформальных экспертных оценок (коллег, членов ученых советов, дирекции), которая демпфировала жесткие обезличенные критерии.

Отметим одно важнейшее обстоятельство: положительные тенденции, наблюдавшиеся в научной сфере, привели к существенному повышению профессионального самоуважения ученых, заметному росту социального престижа науки. Вырос набор в аспирантуру; многие институты сумели провести (или, по крайней мере, начать) масштабное обновление оборудования, что являлось одной из наиболее серьезных проблем в предшествующий период.

Таким образом, результаты проведенных ранее исследований позволяют как минимум поставить под сомнение многие критические утверждения, направленные в адрес Академии наук и подведомственных ей научных учреждений. Прежде всего совершенно очевидно, что академическая наука в России, включая планирование и организацию научных исследований, принципы и способы их финансирования, результативность, оценку продуктивности, наконец, профессиональный менталитет значительной части членов научного сообщества, на момент радикальной реформы 2013 г. существенно изменилась по сравнению с серединой 1990-х или даже началом 2000-х гг. Академические учреждения в целом научились работать в рыночных условиях, успешно адаптировавшись к изменившемуся социальному, управленческому и экономическому контексту. Наука как социальный институт и люди науки существенным образом изменились.

Налицо был кризис традиционной модели профессиональной карьеры ученого – появилось несколько конкурирующих векторов ее развития. Переход науки на постсоветскую стадию закономерно привел к постепенной, но весьма существенной трансформации системы ценностей и про-

фессиональных приоритетов российских ученых. Воспроизводство науки как социального института и той сложной системы взаимоотношений, которая вокруг него выстраивается, происходило в качественно иных условиях, при том что важнейшие тенденции, складывавшиеся с середины 1990-х гг., продолжали сохранять свое значение и на момент принятия решения о радикальной реформе Академии. Одновременно среди ученых нарастало ощущение того, что кризисное положение науки в обществе, невнимание к ее нуждам негативно сказывается на квалификации людей, работающих в науке [8].

Одновременно среди самых разных слоев научной общественности росла убежденность в том, что именно академическая бюрократия является основным препятствием на пути развития российской науки. Серьезным ударом по престижу высшего академического руководства стала пролоббированная в 2008 г. отмена возрастного ценза (70 лет) для занятия административных должностей: все понимали, что главной целью было оставить на своем посту бессменного президента РАН Ю. Осипова, а значит, и всю его команду. Во многих институтах, где должна была произойти запланированная смена руководства, этого не случилось, что приводило зачастую к росту социальной напряженности в коллективах, личным конфликтам; не редкостью стал и вынужденный уход из институтов (а иногда из науки вообще) молодых талантливых ученых, профессионально более подготовленных, по сравнению со старой генерацией директоров, к руководящей работе в новых условиях.

Неумение и нежелание академической верхушки пойти на серьезные изменения, убежденность в своей непогрешимости и особом положении в социальной и властной структуре постсоветской России сыграли свою роковую роль. «В период всеобщего слома, когда перестал существовать СССР, Академия фактически сохранилась в прежнем виде с точки зрения базовых принципов работы... Академия оказалась *очень консервативной структурой, не идущей на серьезные компромиссы* (курсив наш – А.А.) ... отсутствие гибкости и неумение вовремя инициировать и провести внутреннюю реформу и привело ее к краху» [4, с. 18].

Основные мероприятия реформы

Старт реформе РАН был дан на заседании правительства, состоявшемся в конце июня 2013 г. Там много говорилось об архаичной организационной структуре академической науки, следствие которой – непрозрачность в расходовании средств; о требующей обновления системе академий наук, не соответствующей задачам, стоящим перед наукой; о необходимости избавления ученых от «несвойственных функций управления имуществом и коммунальным хозяйством». По итогам достаточно бурного об-

суждения (против радикальных мер в отношении РАН выступили, например, министры иностранных дел и обороны) было принято решение ликвидировать (!) Академию наук как бюджетное учреждение, создав вместо нее «общественно-государственное объединение “Российская академия наук”», в состав которой предлагалось включить также членов сельскохозяйственной и медицинской академий. По сути, на месте бывшего «министерства науки» планировалось учредить «клуб академиков», не имеющий подведомственных научных организаций; право управления научным имущественным комплексом предлагалось делегировать специальному органу управления с условным названием «Агентство научных институтов».

В организации научной деятельности планировалось перейти к адресной поддержке научных лабораторий, т. е. речь шла о ликвидации системы академических институтов как основной формы организации научной деятельности; на их месте должны были появиться своеобразные лизинговые центры, сдающие научное оборудование в аренду. Основным объектом государственной научной политики должна была стать научная группа (сектор, лаборатория, временный творческий коллектив), финансирование которой осуществляется на конкурсной основе; с исследователями предлагалось перейти на прямые контракты. Другими словами, предлагалось радикально перестроить сферу фундаментальной науки по лекалам англо-американской модели. В «Пояснительной записке» к первому варианту законопроекта о реформе РАН главной целью преобразований объявлялась «оптимизация организационно-правовых механизмов управления российской фундаментальной наукой, повышение эффективности фундаментальных и поисковых научных исследований, обеспечивающих получение научных результатов мирового уровня» [11].

Обсуждение положений реформы происходило в ускоренном режиме. Уже 5 июля 2013 г. в Государственной думе состоялось второе чтение законопроекта, по итогам которого в первоначальный вариант были внесены серьезные изменения: внесена поправка о сохранении за Российской академией наук статуса *государственного бюджетного учреждения*, одновременно отклонена норма о возможности *ликвидации* академии. Основным аргументом против придания РАН статуса «общественно-государственного объединения» выступило то обстоятельство, что подобное реформатирование повлекло бы за собой длительный период ее недееспособности из-за отсутствия соответствующих юридических норм. Также была отклонена норма о формировании аппарата РАН в качестве самостоятельной структуры, руководителя которой назначало бы правительство.

Наконец, 27 сентября 2013 г. был опубликован Федеральный закон № 253-ФЗ «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодатель-

ные акты Российской Федерации» [13]. Исходя из текста Закона, главные функции обновленной Академии заключались в «обеспечении преемственности и координации фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований», «экспертном научном обеспечении деятельности органов государственной власти», «научно-методическом руководстве научной и научно-технической деятельностью научных организаций и образовательных организаций высшего образования». Из состава Академии наук были исключены практически все научные организации – институты, исследовательские центры, которые занимались непосредственной научной деятельностью; руководство РАН также потеряло возможность распоряжения огромным имущественным комплексом, для оперативного управления которым предстояло создать совершенно новую структуру, получившую название «Федеральное агентство научных организаций» (ФАНО).

В принятом 25 октября 2013 г. Постановлении № 959, вводившем в действие «Положение о Федеральном агентстве...», обозначались его задачи: «осуществление функций и полномочий собственника федерального имущества, закрепленного за организациями, находившимися в ведении Российской академии наук, Российской академии медицинских наук и Российской академии сельскохозяйственных наук». Несмотря на то, что главным научным учреждением страны по-прежнему считалась Академия наук, никаких *реальных полномочий* по руководству исследовательским процессом у нее не осталось. Напротив, в функции ФАНО входили, кроме прочего, «*утверждение, с учетом предложений федерального государственного бюджетного учреждения «Российская академия наук», программ развития научных организаций, подведомственных Агентству, государственных заданий на проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований научными организациями... подведомственными Агентству*». Помимо этого, ему вменялась в обязанность разработка совместно с РАН «планов проведения фундаментальных и поисковых научных исследований научными организациями, подведомственными Агентству, в рамках выполнения программы фундаментальных научных исследований в Российской Федерации на долгосрочный период», а также оценка эффективности их деятельности (с учетом мнения РАН) [10]. Таким образом, взаимоотношения двух ведомств – РАН и ФАНО – с самого начала отличались неопределенностью и наличием явных и скрытых конфликтов. Не имеющая никаких полномочий по руководству наукой, прежде всего по распоряжению финансовыми средствами, обновленная РАН на деле никак не могла влиять на деятельность ФАНО и подведомственных ему институтов и центров. Напротив, вновь созданное ведомство, в полном соответствии с духом и буквой принятых решений, очень быстро

перешло от решения сугубо хозяйственных вопросов к организации выборов директоров и верстке планов научной деятельности учреждений. Радикально ситуацию не исправило даже заключение в сентябре 2014 г. Соглашения о сотрудничестве и принятие в январе 2015 г. целого ряда регламентов, призванных упорядочить совместные действия двух структур: о подготовке и представлении отчетов о научной деятельности, согласовании и утверждении кандидатур на должность руководителей, оценке результативности деятельности научных организаций и др.

Оценка реформы «рядовыми» учеными

Общественность страны имела возможность судить о реакции на события второй половины 2013 г. высшего академического руководства, но не рядовых ученых. С целью выявления мнений именно этой части научного сообщества в первой половине 2015 г. участники проекта «“Реакция на угрозу”: типология адаптационных поведенческих стратегий ученых в условиях реформы РАН» провели полуструктурированные интервью с научными сотрудниками подавляющего большинства академических институтов Новосибирска, Томска, Красноярска, Иркутска. Следует отметить, что проведение подобного исследования спустя почти два года после начала реформы позволило зафиксировать гораздо более взвешенные и обдуманные, по сравнению с летом 2013 г., оценки произошедших изменений. Можно высказать предположение, что речь идет об описании основных факторов и условий первичной адаптации исследователей к новой организационной, управленческой и ценностной реальности в науке.

На основании полученных результатов мы, во-первых, можем судить о том, как научные сотрудники оценивают необходимость реформы научной сферы спустя почти два года после ее начала, когда первые страсти уже улеглись и было время для осмысления того, что же всё-таки произошло; во-вторых, услышать, какое, по их мнению, влияние она оказала и может оказать в будущем на российскую науку, станет ли вследствие этого научная сфера более эффективной, гибкой, ориентированной на практику и т. д.

Прежде всего следует отметить тот факт, что спустя два года после начала реформы уже мало кто сомневался в ее **необходимости**; в то же время подавляющее большинство респондентов резко критиковало **методы** ее проведения: *«Первое, и это вообще никем и никогда не отрицалось и не отрицается, и это совершенно насущная проблема – реформа [была] абсолютно необходима; второе: в том виде, в каком реформа была предложена и реализована, ну, начинает реализовываться, – она вообще была недопустима совершенно; [третье:] в том виде, в каком она реализуется, она вызывает очень большие опасения»*. Оговоримся, что в данном случае мы постарались привести отрывок, в наибольшей степе-

ни отражающий умонастроения большинства членов научного сообщества. Ясно, что отклонения в ту или иную сторону – от полного отрицания до полной поддержки – также есть, но **в целом** настроения именно такие: реформа была нужна, более того – жизненно необходима, она назрела и перезрела, но проводят ее так, что эффекты оказываются зачастую прямо противоположными тем, на которые, наверное, всё-таки рассчитывали авторы.

Теперь что касается оценки учеными основных мероприятий и направлений реформы. Прежде всего следует отметить тот факт, что ученые – люди рационально мыслящие, поэтому внедрение новых норм и правил функционирования социального института (каковым является фундаментальная наука), носящих сугубо формальный и зачастую бесполезный (если не сказать вредный) характер с точки зрения специфических задач, поставленных перед наукой обществом и государством, вызывает с их стороны соответствующую оценку. *«Я запланировал три доклада на всероссийской конференции, а сделал 15, ну, не я – лаборатория, и мне пришлось еще за это отчитываться: почему планировал 3, а сделал 15? Это ты чего там? Это ты средства привлек со стороны?... ну этот-то ужас уже откуда? [Ситуация] становится для науки совершенно бессмысленно жестче, т. е. это науке никак не помогает, а конечно вредит».*

Другая сторона проблемы ускоренной бюрократизации состоит в том, что в отличие от среднестатистического работника индустриальной эпохи для ученого существенную роль в мотивации труда играют внеэкономические мотивы, такие как искренний интерес к профессии, желание завоевать авторитет среди коллег по цеху и иметь хорошую профессиональную репутацию (см. рассуждения Р. Мертона о символическом характере собственности в науке [7]). Другими словами, ценности, характерные для классической науки, продолжают играть важнейшую роль и для современного ученого. Как удачно выразился один из наших собеседников, *«молодые люди идут в науку не за деньгами... сегодня есть много мест, где умный человек способен заработать гораздо больше и за существенно меньшее время. Сюда идут за другим – за самореализацией, возможностью поработать с интересными людьми, решить задачу, которую до тебя никто не мог решить»* [1]. В силу именно этого обстоятельства вольное или невольное желание авторов реформы изъять из науки этот ценностный аспект, сделать науку конвейером по производству экономически востребованного знания (а лучше технологий) вызывает сопротивление со стороны ученого сообщества, прежде всего среднего и старшего поколений.

Главное, на что обращали внимание все без исключения участники нашего исследования, – это тот совершенно невероятный по объему бюрократический вал, который обрушился на научные учреждения после организации ФАНО: *«бюрократический удар, в общем, пришелся по всем».* Стрем-

ление всё зарегулировать, спланировать, прописать четкие формальные критерии выполнения намеченного в корне противоречит самой сути научной деятельности, носящей поисковый характер. Положение не спасает и то обстоятельство, что пришелся этот удар большей частью по руководству институтов: *«Если в институте нормально функционирующая администрация и начальство понимает, что такое научная работа, то оно [начальство] пытается демпфировать этот бюрократический удар, и до рядовых исполнителей он, может, доходит в ослабленном виде, но все равно наверняка доходит... с бюрократической точки зрения жить... стало хуже»*. Методы и приемы руководства наукой, внедряемые вновь созданными органами управления, нацелены на формирование совершенно новой системы профессиональных ценностей ученого. Самим ученым *«жесткое администрирование научных учреждений... тенденция, когда... даже внутри институтов будет отделена должность директора от некоей научной составляющей, в институт будет назначен некоторый менеджер, который... вообще не будет касаться научной деятельности... кажется совершенно недопустимым... здесь неразрывно связаны вопросы управления собственностью, эффективность управления ею – и научные вопросы»*.

Еще одно последствие резко возросшей бюрократизации науки – психологическая усталость заметной части научных работников от постоянных изменений. Действительно, трудно не обращать внимание на постоянные изменения, трансформации, новые правила. Меняется всё – от принципов планирования до формы отчетов. И это приводит чуть ли не к нервным срывам: *«самое главное наше пожелание – чтобы нас оставили в покое... все устали, большинство сотрудников считает, что либо вы уж совсем закрывайте нас, либо скажите, что все это прекращается и мы живем в стабильной ситуации... нам говорят – вот, на год еще продлили мораторий – это что значит? Что через год нас всех уволят или как? Что будет после окончания моратория? Какова цель вот этой реформы?»*. Пока эта ситуация коснулась в основном руководящего уровня научных учреждений, но по цепочке это доходит и до «рядовых» сотрудников.

Самым ярким проявлением сугубо бюрократического подхода к науке является внедрение чисто формальных показателей для оценки деятельности как всего института, так и отдельного ученого, что также оценивается как *«крайне беспокоящий»* фактор. По мнению самих ученых, разработка подобных критериев – важнейшая задача, требующая объединения усилий самых разных сторон: *«реализация реальных потребностей общества и экономики должна лежать в основе функционирования науки – никакое ФАНО ведь за нас это не решит, не сформулирует... неформальные [критерии эффективности науки] должны коллегиально и экспертно формулироваться компетентными людьми на уровне правительства»*.

Выше мы уже писали, что одним из краеугольных камней предстоящей реформы была идея сделать научную группу или отдельного ученого

основным субъектом планирования и управления в науке: *«что еще может вызывать очень серьезные опасения и что, к сожалению, было инициировано научной средой... – это переводение системы финансирования науки на финансирование коллектива или даже отдельного ученого, [по принципу] “вот есть лидер, финансирование осуществляется через него”*». Идея вполне здравая, с точки зрения авторов реформы, тем более что многочисленные исследования показывали наличие в науке изрядной доли «балласта», имеющего низкие показатели цитирования, малое число публикаций, отсутствие грантов, патентов, хоздоговоров и пр. Возможные управленческие решения также напрашивались вполне очевидные: сосредоточить имеющиеся (относительно не беспредельные) ресурсы на этой работоспособной части, обеспечив тем самым прорыв на ряде важнейших технологических направлений.

Но авторы подобных идей упускают из вида специфику устройства российской науки, во многом доставшуюся ей по наследству от науки советской. И одна из важнейших черт здесь – крайне важная роль, которую играют коллективы институтов в процессе научного поиска. Малая эффективность некоторых ученых относительно не означает, что это *плохие* ученые. Зачастую именно они являются генераторами идей, для них важнее «делание науки», а не поиск денег на исследования или оформление результатов в виде отчетов, статей и книг. Другой важнейший фактор – наличие интеллектуальной среды, в которой только и могут рождаться новые идеи. Другими словами, плохо формализуемое в рамках бюрократической логики наличие питательной среды науки в виде коллег по цеху, общение с которыми не ограничено ни временем, ни жесткими институциональными рамками, является сегодня (и еще долгое время будет являться) условием успешного функционирования российской науки, по крайней мере в ее фундаментальной части.

Есть еще и организационный момент: многие институты представляют собой сложнейшие технологические комплексы, сформировавшиеся десятилетиями, и силовой слом сложившихся институциональных практик может оказаться фатальным. По меткому выражению одного из наших респондентов, *«вокруг ускорителя всегда существует несколько научных групп, [в силу чего] финансировать надо не группу, финансировать надо ускоритель»*.

В силу примерно тех же соображений критикуется и идея укрупнения институтов, создания на их базе объединений национального или регионального уровня, создания на базе научных центров (Красноярского, Иркутского, Тюменского) своеобразных консорциумов научных учреждений. Так, на базе всех институтов Красноярского научного центра был создан Федеральный исследовательский центр «Красноярский научный центр СО РАН» [16]. По мнению большинства ученых, *«это, опять-таки, совершенно бюрократическое решение – берем и все объединяем в кучу. Почему, зачем?.. объединить»*

«копя и трепетную лань» – оно дает выигрыш в управляемости? Оно какую-то экономию средств дает? Оно с чего-то повышает научную эффективность? Где, чем это обосновано?». По мнению научного сообщества, зачастую плохо продуманные решения представляют собой не что иное, как стремление менеджеров от науки очень быстро провести хоть какую-то реформу, не особо вникая в то, какие это будет иметь последствия. Возникает эффект дурной бесконечности: мы проводим очередную реформу исключительно для того, чтобы не отчитываться за результаты предыдущей. Нельзя упускать из вида также лоббирование реструктуризации системы академических учреждений со стороны вузовской системы: часть ректоров крупных вузов не прочь были бы под шумок реформы заполучить себе в управление крупные и успешно функционирующие исследовательские организации, тем самым быстро и эффективно (недорого!) повысив свои научные показатели и подняв рейтинг [2].

Были и положительные оценки реформы, правда, со стороны представителей лишь одной группы ученых. Речь идет о заметной части молодежи, которая восприняла реформу как шанс для ускорения собственной карьеры. Закостеневшая структура Академии наук мешала появлению новых имен. Слишком много в ней было борьбы за власть и влияние (очень симптоматичны последние по времени выборы в РАН, прошедшие уже после начала ее реформирования, в 2016 г.), и всё меньше науки. Именно этим и объясняется убежденность большинства наших респондентов в том, что необходимость реформы назрела и перезрела. В этих условиях радикальная перестройка всей системы фундаментальных исследований и появление нового центра власти в лице ФАНО способствовали появлению прослойки сторонников происходящих изменений среди молодых сотрудников. Приведем в этой связи весьма показательное высказывание: «У меня очень положительное отношение к реформе. На самом деле я сторонник еще более радикальных изменений... Сейчас есть возможность тем ребятам, которые умеют работать, которые хотят работать, действительно пробиться. У нас [в институте] такие возможности точно есть. Пожалуйста, вперед». Свойственный молодежи оптимизм также способствует тому, что именно эта часть ученого сообщества становится главной опорой реформаторов: «Да, переменны, да, а что, будем работать, тем более, если у тебя семья, дети и пр., тебя подталкивают к этому... вот эта... категория – она преобладает. И в ФАНО – там люди молодые, без этого академического тона... им можно позвонить, найти общий язык, они открыты. Мы – люди примерно одного возраста, одних взглядов на жизнь, несмотря на то что они чиновники, вроде бы такие прожженные. И в целом все смотрят, я бы сказал, все-таки больше с оптимизмом, как бы то ни было». Если учесть, что в целом ряде институтов молодежь составляет до трети научных сотрудников, поддержка усилий ФАНО с ее стороны может иметь большое значение для успеха реформ.

Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить, что полученные результаты и сделанные оценки носят в большинстве случаев промежуточный характер. И это легко объяснимо: реформа фундаментальной науки в России только разворачивается. Вполне возможно, что сложившиеся способы и механизмы адаптации к новым условиям научной деятельности завтра станут неактуальными. Яркий пример из недавнего прошлого: международное сотрудничество, к концу 1990-х – началу 2000-х гг. бывшее одним из основных источников сохранения целых научных направлений, уже к исходу 2000-х потеряло свою значимость. Не следует забывать, что успешные реформы – как правило, весьма дорогостоящие мероприятия, и ввиду этого обстоятельства известные экономические трудности, переживаемые сегодня нашей страной, только усугубили ситуацию, вызванную реформой, зачастую провоцируя органы государственного управления наукой на всё более радикальные меры. Дефицит финансирования и сохранение сложной внешнеполитической обстановки предполагают поиск новых способов выживания (а в ряде случаев речь вновь, как и в середине 90-х, идет именно о *выживании*) и редко – развития науки. Накопленный отечественной академической наукой адаптационный потенциал пока позволяет демпфировать негативные последствия реформы, но он не беспределен, тем более что заметная часть ученых просто устала от постоянных изменений, пребывая в состоянии *«полной деморализации»*.

Более чем четырехлетняя история реформы РАН показывает, что научная сфера крайне консервативна, инерционна и не поддается быстрым изменениям. И это закономерно: революционные преобразования институционального устройства науки, равно как и революционные научные открытия, очень часто заканчиваются фиаско. Понимая это, научное сообщество продолжает рассчитывать на то, что государственная научная политика будет меняться в сторону, благоприятную для науки: *«реформа – все равно плохо, и те критерии [эффективности проводимых преобразований], которые демонстрировались на раннем этапе, были ужасными... но время купирует самые негативные задумки в этом направлении. До конца купируют их невозможно, но будем надеяться, что радикальные решения в этой сфере все-таки смещаются чуть-чуть в правильную сторону»*. И вновь в большинстве своем ученые демонстрируют сдержанный оптимизм. Ничего другого им просто не остается.

В целом проведение радикальной реформы отечественной академической науки вполне укладывается в общий тренд трансформации сферы интеллектуального производства страны по неолиберальному сценарию. Отсюда стремление перевести финансирование и управление наукой на рыночные рельсы. Другое дело, что в силу специфики российской модели

государственного капитализма «рыночный» зачастую означает «бюрократический». Стремление государства в условиях недостатка необходимых ресурсов реформировать науку, сделав ее, с одной стороны, управляемой и недорогой, с другой стороны, современной и эффективной, постоянно наталкивается на сопротивление научного сообщества, пытающегося сохранить традиционные ценности научной профессии. Именно это противостояние в ближайшей перспективе будет определять состояние сферы фундаментальных исследований.

Литература

1. *Аблажей А.М.* Научная карьера в представлении студентов и аспирантов. Факторы выбора и критерии успеха // Вестник НГУ. Серия: Философия. – 2006. – Т. 4, вып. 2. – С. 98–104.
2. *Аблажей А.М.* Феномен принудительной интеграции в российской академической сфере // Философия образования. – 2015. – № 4. – С. 176–187.
3. *Антонович Д.* Невозможное возможно. Модернизация Польской академии наук // Форсайт. – 2010. – Т. 4, № 3. – С. 32–38.
4. *Дежина И.Г.* Реформа РАН: причины и последствия для науки в России [Электронный ресурс]. – М.; Paris: IFRI, Центр Россия/ННГ, 2014. – ISBN 978-2-36567-277-1. – URL: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_77_ran_reforma_rus_dezhina_may_2014.pdf (дата обращения: 26.02.2018).
5. Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 63. Академия и власть: предварительные итоги лета 2013 года: круглый стол, 5 сентября 2013 г. [Электронный ресурс] / Никитский клуб. – М., 2013. – URL: <http://nikitskiyclub.ru/wp-content/uploads/2015/04/63.pdf> (дата обращения: 26.02.2018).
6. *Ливанов Д.* Интервью радиостанции «Эхо Москвы» 24 марта 2013 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/assembly/1035414-echo/> (дата обращения: 26.02.2018).
7. *Мертон Р.* Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // Thesis. – 1993. – Вып. 3. – С. 256–276. – URL: https://igiti.hse.ru/data/033/314/1234/3_6_1Merto.pdf (дата обращения: 26.02.2018).
8. *Мирская Е.З.* Профессиональное самочувствие российских академических ученых // «Благой фонд, благое дело»: к 10-летию Российского государственного научного фонда. – М.: РГНФ, 2004. – С. 587–594.
9. *Глюснин Ю.М., Куперштох Н.А., Аблажей А.М.* Научные сообщества сибирских городов (по материалам полевых исследований) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – 2004. – № 4. – С. 130–141.
10. Постановление Правительства РФ от 25 октября 2013 г. № 959 «О Федеральном агентстве научных организаций» (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс] // Гарант. – URL: <http://base.garant.ru/70486206/#ixzz51cZFRm5T> (дата обращения: 26.02.2018).

11. Проект Федерального закона «О внесении проекта федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» № 3690п-П8 от 28.06.2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – URL: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/26575.html/> (дата обращения: 26.02.2018).

12. *Таратута Ю.* Академический роспуск [Электронный ресурс] // Коммерсант.Ru. – 2006. – 23 июня. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/684710> (дата обращения 26.02.2018).

13. Федеральный закон № 253-ФЗ от 27.09.2013 г. «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета. – 2013. – 30 сентября. – URL: <https://rg.ru/2013/09/27/ran-site-dok.html> (дата обращения: 26.02.2018).

14. *Федюкин И.* Российская наука: от кризиса качества к поиску точек роста [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.polit.ru/article/2009/12/16/russcience/> (дата обращения: 26.02.2018).

15. *Черных А.* Дмитрий Ливанов уравнивает академиков. Министр образования и науки создает альтернативу РАН [Электронный ресурс] // Коммерсант. Ru. – 2013. – 21 марта. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2150729> (дата обращения: 26.02.2018).

16. *Шабанов В.Ф.* Развал или развитие? Глава Красноярского научного центра предлагает опираться на факты [Электронный ресурс] // Поиск. – 2016. – 23 ноября. – URL: <http://www.poisknews.ru/theme/ran/21285/> (дата обращения: 26.02.2018).

Статья поступила в редакцию 24.08.2017 г.

Статья прошла рецензирование 02.09.2017 г.

DOI: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-29-52

RADICAL REFORM OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: DEVELOPMENT, IMPLEMENTATION, EVALUATION BY THE SCIENTIFIC COMMUNITY

Ablazhey Anatoly,

Cand. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,

Leading research fellow of the Institute of Philosophy and Law SB RAS,

8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation;

Associate Professor, National Research Novosibirsk State University,

1, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

ORCID: 0000-0003-3693-8845

ablazhey@academ.org

Abstract

The article is devoted to the study of the main aspects related to the radical reform of the Russian academic science. An empirical basis was the materials of interviews conducted with scientists in the scientific centers of Siberia – Novosibirsk, Tomsk, Irkutsk, Krasnoyarsk. Much attention is paid to the analysis of the organizational and ideological prerequisites for reform, as well as the content of discussions in the parliament and the media, which led to its implementation. It is shown that the main reason for the beginning of the reform was, on the one hand, the desire of the country's leadership in the conditions of a shortage of necessary resources to make the sphere of fundamental research more compact and effective, aimed at meeting the needs of the economy and society, primarily in terms of the development of new technologies; on the other hand, the desire of the relevant Ministry to rebuild the sphere of intellectual production through the patterns of the Anglo-American neoliberal model, and to remove the academic leadership from the administration of the property complex of the Russian Academy of Sciences, was an equally important motive for the reform. An analysis of the opinions of Russian academic scientists showed that in the overwhelming majority they critically evaluate the methods and interim results of the reform, while recognizing the urgency of its implementation. It is shown that the adaptive potential accumulated by the domestic academic science so far allows successfully damping the negative consequences of the reform, but it is not boundless, moreover, a noticeable part of scientists is simply tired of constant changes.

Keywords: academic science, RAS, reform, effectiveness, results, estimation of reform.

Bibliographic description for citation:

Ablazhey A.M. Radical reform of the Russian Academy of Sciences: development, implementation, evaluation by the scientific community. *Ideji i idealy – Ideas and Ideals*, 2018, no. 1, vol. 2, pp. 29–52. doi: 10.17212/2075-0862-2018-1.2-29-52. (In Russian).

References

1. Ablazhei A.M. Nauchnaya kar'era v predstavlenii studentov i aspirantov. Faktory vybora i kriterii uspekha [Scientific career in the representation of students and graduate students. Factors of choice and criteria for success]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: Philosophy*, 2006, vol. 4, iss. 2, pp. 98–104.
2. Ablazhei A.M. Fenomen prinuditel'noi integratsii v rossiiskoi akademicheskoi sfere [The phenomenon of forced integration in the Russian academic sphere]. *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of education*, 2015, no. 4, pp. 176–187.
3. Antonovich D. Nevozmozhnoe vozmozhno. Modernizatsiya Pol'skoi akademii nauk [Impossible is nothing. A modernisation of the Polish Academy of Sciences]. *Forsait – Foresight-Russia*, 2010, vol. 4, no. 3, pp. 32–38. (In Russian).
4. Dezhina I.G. *Reforma RAN: prichiny i posledstviya dlya nauki v Rossii* [Reform of the Russian Academy of Sciences: causes and consequences for science in Russia]. Moscow, Centre Russie/NEI de l'Ifri, 2014. ISBN 978-2-36567-277-1. (In Russian). Available at: http://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_rnv_77_ran_reforma_rus_dezhina_may_2014.pdf (accessed 26.02.2018).
5. *Nikiitskii klub. Tsikl publichnykh diskussii "Rossiya v global'nom kontekste"*. Vyp. 63. *Akademiya i vlast': predvaritel'nye itogi leta 2013 goda: kruglyi stol, 5 sentyabrya 2013 g.* [Nikititsky club. A series of public discussions "Russia in the global context". Iss. 63. Academy and government: preliminary results of 2013]. Moscow, 2013. Available at: <http://nikitskiyklub.ru/wp-content/uploads/2015/04/63.pdf> (accessed 26.02.2018).
6. Livanov D. *Interv'yu radiostantsii "Ekho Moskvy" 24 marta 2013 g.* [Interview for the radio "Echo of Moscow"]. Available at: <http://echo.msk.ru/programs/assembly/1035414-echo/> (accessed 26.02.2018).
7. Merton R.K. The Matthew effect in science, II: Cumulative advantage and the symbolism of intellectual property. *Thesis*, 1993, iss. 3. p. 256–276. (In Russian).
8. Mirskaya E.Z. Professional'noe samochuvstvie rossiiskikh akademicheskikh uchenykh [The professional well-being of Russian academic scientists]. *"Blagoi fond, blagoe delo": k 10-letiyu Rossiiskogo gosudarstvennogo nauchnogo fonda* ["Good fund, good deed." By the 10th RGNF]. Moscow, RGNF Publ., 2004, pp. 587–594.
9. Plyusnin Yu.M., Kupershtokh N.A., Ablazhei A.M. Nauchnye soobshchestva sibirskikh gorodov (po materialam polevykh issledovaniy) [Scientific communities of Siberian towns (based on field research)]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda – Bulletin of the Russian Foundation for Humanities*, 2004, no. 4, pp. 130–141.
10. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 25 oktyabrya 2013 g. № 959 "O Federal'nom agentstve nauchnykh organizatsii" (s izmeneniyami i dopolneniyami)* [RF Government Resolution dated October 25, 2013 N 959 "On the Federal Agency of Scientific Organizations" (as amended)]. *Garant* [Guarantor]. Available at: <http://top.rbc.ru/economics/17/09/2012/669967.shtml> (accessed 26.02.2018).
11. *Proekt federal'nogo zakona "O vnesenii proekta federal'nogo zakona "O Rossiiskoi akademii nauk, reorganizatsii gosudarstvennykh akademii nauk i vnesenii izmenenii v otdel'nye"*

zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii" № 3690p-P8 ot 28.06.2013 [Draft federal law "On the Introduction of the Draft Federal Law "On the Russian Academy of Sciences, the Reorganization of State Academies of Sciences and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation", N 3690p-P8 of June 28, 2013]. *Konsul'tantPlus* [ConsultantPlus]. Available at: <http://www.consultant.ru/law/hotdocs/26575.html/> (accessed 26.02.2018).

12. Taratuta Yu. Akademicheskii rospusk [Academic dissolution]. *Kommersant.Ru*, 2006, June 23. (In Russian). Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/684710> (accessed 26.02.2018).

13. Federal'nyi zakon № 253-FZ ot 27.09.2013 g. "O Rossiiskoi akademii nauk, reorganizatsii gosudarstvennykh akademii nauk i vnesenii izmenenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii" [Federal Law N 253-FZ of 09.27.2013 "On the Russian Academy of Sciences, the reorganization of the state academies of sciences and amendments to the Russian Federation separate legislative acts"]. *Rossiiskaya gazeta – Russia's newspaper*, 2013, September 30. Available at: <https://rg.ru/2013/09/27/ransite-dok.html> (accessed 26.02.2018).

14. Fedyukin I. *Rossiiskaya nauka: ot krizisa kachestva k poisku toчек rosta* [Russian science: from the quality crisis to the search for growth points]. Available at: <http://www.polit.ru/article/2009/12/16/russcience/> (accessed 26.02.2018).

15. A. Chernych. Dmitriy Livanov uravnovesit akademikov. Ministr obrazovaniya i nauki sozdaet al'ternativu RAN [Dmitry Livanov will balance academics. Minister of Education and Science creates an alternative to the RAS]. *Kommersant.Ru*, 2013, March 21. (In Russian). Available at: <http://kommersant.ru/doc/2150729> (accessed 26.02.2018).

16. Shabanov V.F. Razval ili razvitiye? Glava Krasnoyarskogo nauchnogo tsentra predlagaet opirat'sya na fakty [Collapse or development? The head of the Krasnoyarsk Science Center proposes to be based on facts]. *Poisk*, 2016, November 23. (In Russian). Available at: <http://www.poisknews.ru/theme/ran/21285/> (accessed 26.02.2018).

The article was received on August 24, 2017.

The article was reviewed on September 02, 2017.